Жестокая традиция

Яшви Садхир
К вечеру Яшви почувствовала недомогание. Ей не пришлось даже считать дни, чтобы понять, в чем дело. К ужину она не притронулась, сославшись на то, что не голодна, хотя была вынуждена сидеть вместе со всеми, а потом, собрав немного самых необходимых вещей и переодевшись в свою старую одежду, уточнила у девушки, живущей в соседней комнате, куда обычно уходят женщины каждый месяц на несколько дней, когда им нельзя находиться в общем доме, есть что-то, кроме риса и воды и общаться с другими людьми. У них в деревне это носило название чаупади, и Яшви справедливо полагала, что так делают везде, ведь женщина на эти несколько дней становится нечистой, запятнанной, ей не место среди других людей.

Девушка охотно объяснила, как найти одиноко стоящую хижину в отдалении от соседней деревни и озера Фева, и, несмотря на то, что уже вечерело, Яшви не стала задерживаться во дворце до утра, когда было бы логичнее отправиться в путь. Хижину она нашла не сразу - та пряталась между двух голых холмов среди каменных глыб и многочисленных деревьев, и при взгляде на нее Яшви вдруг подумала, что это совсем как дома. Те же грубые каменные стены, крытая немного сгнившей соломой крыша, мало места, темно, сыро, пахнет плесенью. Рядом ни единого водоема. Жара уже начала спадать, и чувствовался прохладный ветерок.

Она не стала брать с собой покрывало с кровати в ее комнате - оно было слишком хорошим, чтобы его портить, но и разводить костер внутри было опасно, потому что старая крыша могла вспыхнуть ночью. Яшви просто прижалась спиной к голой каменной стене и постаралась уснуть, столь же сильно стараясь не обращать внимания на ноющую боль в животе.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Дни Сонгцэна были более насыщенными, чем он предполагал, но он старался ложиться спать и просыпаться не поздно, чтобы отдыхать и иметь достаточно времени на все. Этим утром он вышел к завтраку в столовую, когда его Величество еще спал. Одна из наложниц принесла ему горячий кофе и завтрак, но, не успел Сонгцэн поесть, его одиночество нарушило появление Аши Прии. Это могло быть серьезным, она не стала бы беспокоить его без причины.

Его опасения подтвердились: накануне пропала Яшви. Старшая наложница уже успела выяснить, что девушка ушла в соседнюю деревню, вернее, в отдаленную хижину за её пределами, чтобы соблюсти обычай чаупади. Сонгцэну пришлось долго расспрашивать Ашу Прию, чтобы понять, в чем был смысл этой традиции, и почему Яшви туда пошла, а потом решил, что девушку нужно искать. Аша Прия заверила его, что девушка, которая знала о намерениях Яшви и не только не отговорила её, но и сказала, где в деревне хижина для изгнанниц, будет наказана по всей строгости.

Сонгцэн быстро собрался и отправился на поиски девушки пешком, потому что, как он понял из объяснений, к хижине вели неприметные козьи тропы, где любая

уважающая себя лошадь переломает все ноги.

Яшви Садхир
Ночью Яшви спала плохо, и утро началось еще даже до восхода солнца. У нее затекло все тело, она замерзла, и утром долго ходила вокруг своей хижины, чтобы согреться. У нее было немного риса, что она взяла с собой после ужина, но она совершенно не подумала, что она будет делать дальше, когда это количество закочнится. Обычно еду ей приносила младшая сестра, соблюдая при этом всю осторожность, чтобы тоже не оказаться запятнаной, но где она возьмет сестру здесь, вдали от дома?

Впрочем, она не чувствовала себя голодной, поэтому решила рис оставить на потом, а пока просто постараться поспать еще немного, чтобы набраться сил. Теперь она с жалостью вспоминала кровать в комнате, хотя поспала на ней всего одну ночь - остальные она предпочитала спать просто на ковре, устилавшем пол. Кровать была мягкой, точно по росту, так что не приходилось сворачиваться на ней клубком, не сравнить с полом в этой хижине, где она была вынуждена спать полусидя.

Возможно, будь Яшви чуть поумнее и пообразованнее, она бы поняла всю бессмысленную жестокость этого ритуала, но она год за годом наблюдала, как этот ритуал проводят в ее деревне, год за годом носила матери еду в ее чаупади, и так же бы носила младшей сестре, когда бы той пришло время. Для нее это было таким же привычным образом жизни, как спать на полу или вставать вместе с солнцем и упорно, не жалея себя, работать, и слушаться во всем родителей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Утро было прохладным, хотя день обещал быть жарким, как обычно. Сонгцэн довольно долго искал нужное место за пределами деревни. Туда вела хитрая тропа, которую удалось найти не с первой попытки. Её явно знали лишь те, кому было положено знать. А он, мужчина, к этой категории не относился. Но все же после долгих поисков Сонгцэн вышел на козью тропу что шла мимо кустарников и сухостоя и выводила к страшной маленькой хижине, в которой не было ни дверей, ни окон, ни нормальной крыши.

- Яшви? - позвал Сонгцэн, подходя немного ближе. Он не решился заглядывать в хижину. - Яшви, ты здесь?

Он подумал, что находиться здесь было попросту небезопасно. В горах водились дикие животные, на дорогах встречались разбойники и работорговцы, ночи были холодными, а в таком помещении не разведешь огонь. Яшви наверняка замерзла, проведя здесь ночь, а Аша Прия говорила, что чаупади занимал несколько дней. Это была в представлении Сонгцэна дикость сродни продажи девушек на рынке.

Яшви Садхир
Ей все же удалось снова заснуть, и Яшви не знала, сколько она так проспала, но ее разбудил голос, зовущий ее по имени. Девушка с трудом, привычно не обращая внимания на боль в снова затекшем теле, выбралась наружу. Поначалу ей

показалось, что она все еще продолжает спать, и ей снится, что она видит перед собой Садхира-джи. Конечно, это сон, ведь его не должно быть здесь. Но все было настолько реальным, что Яшви поняла - нет, не сон.

- Вам нельзя со мной разговаривать, Садхир-джи, - уткнув взгляд в землю, пробормотала Яшви. Ей было не по себе от мысли, что он, мужчина, стоит здесь во время ее чаупади, и еще разговаривает с ней. А он ведь не просто кто-то там, а принц, кровь от королевского рода. на вообще не имеет права с ним на одной земле стоять, не то что говорить. А если дотронется до нее, даже случайно - то тоже запятнает себя.

Яшви попятилась обратно к своему убежищу. Пройдет еще несколько дней, прежде чем она сможет вернуться, и жить так, как и дальше, а к тому времени наверняка Садхир-джи уже сдаст экзамен. Конечно, обидно будет не попасть на его экзамен, но традиция важнее. Она не может войти такой нечистой во дворец.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Яшви отозвалась, но сказала, что с ней нельзя разговаривать. Аша Прия примерно объяснила, в чем было дело, но Сонгцэн это до конца не понимал. Он знал азы врачевания и немного представлял себе, как работал женский организм. Совсем немного и в теории. Но достаточно, чтобы знать, что у женщин примерно раз в месяц бывали кровотечения, если не наступала беременность.

- Мне можно с тобой разговаривать, - ответил Сонгцэн. - А вот тебе не стоит ночевать на холодной земле. Яшви, у нас в клане не соблюдают чаупади. Даже правительство Непала его запретило.

Яшви была воспитана в тех традициях, которые соблюдали в деревне. Её родители не озаботились даже тем, чтобы оформить ей паспорт. Зато решили её продать, потому что её считали бокши. Яшви стоило быть первой, кто восстанет против традиций, а не будет выступать за их соблюдение.

- Давай вернемся во дворец, Аша Прия уже обеспокоена тем, что ты ушла, - добавил Сонгцэн.

Яшви Садхир
Яшви пристально следила за тем, чтобы Садхир-джи не подходил к ней близко. Никто никогда не проводил наблюдений и не знал достоверно, на каком расстоянии уже считается, что можно “заразиться”, но в этом деле лучше больше, чем меньше - так безопаснее.

- В нашей деревне об этом не знают, - она покачала головой. - И соблюдают.

Даже если и запретили - что было бы очень здорово - промелькнула у нее робкая мысль, потому что тело все еще болело, поясницу ломило, а после рваного ночного и короткого утреннего сна в совокупности с общим недомоганием Яшви чувствовала себя совсем разбитой - ей было это достоверно неизвестно. У нее не было повода не верить словам Садхира-джи, но Садхир-джи был молод, а традиция насчитывала очень много веков.

- Я не смогу вернуться, пока не закончатся…- она немного смутилась и лихорадочно покраснела, - пока не закончится чаупади. Нельзя нечистой входить в дом, все начнут болеть.

С точки зрения логики смысла здесь не было ни на каплю. Но Яшви не задумывалась об этом, чтобы не начать себя жалеть, что неизбежно следовало за особенно напряженными размышлениями. Если она не хотела замуж, это не значило, что она идет против всех поголовно традиций.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
То, что для Сонгцэна было глупыми суевериями, для Яшви было нормой жизни и традициями, которые она привыкла соблюдать. Но с ними стоило бороться, когда они грозили её безопасности.

- Яшви, во дворце полно женщин, и никто из них не соблюдает чаупади. И я не могу вспомнить ни одного случая, чтобы от этого все начали болеть, - сказал Сонгцэн. - Если бы кто-то сказал моей матери, что она несколько дней в месяц нечистая, и остальным нельзя с ней общаться, в хижине за деревней оказались бы все те, кто так считает. Я понимаю, ты привыкла к этой традиции. Но сейчас самое время о ней забыть, тебе так не кажется?

Лучше было прислать для этого разговора Ашу Прию, она могла объяснить как женщина женщине то, что Сонгцэн понимал только примерно. Он в этой ситуации видел только то, что Яшви нельзя было оставаться в этой заброшенной хижине почти на неделю, рискуя жизнью из-за жестоких и глупых традиций. Он сейчас решил, что должен уговорить девушку, чтобы она вернулась во дворец.

Яшви Садхир
Если признаться честно, Яшви не слышала ни об одном случае, чтобы кто-то заболел, поговорив с женщиной во время чаупади или случайно коснулся ее, потому что осторожность осторожностью, но случай никто не отменял, зато сплошь и рядом толковали о том, что семью начинали преследовать неудачи, и виновата в этом, конечно же, женщина. Недостаточно далеко ушла в горы, или коснулась воды, которая сразу стала плохой. Яшви хватало уже того, что ее называли бокши, чтобы еще и в том, что лошадь сломала ногу, когда тащила телегу и наступила в яму, обвиняли ее. Хотя ее все равно обвиняли. Как будто она виновата в том, что родилась девочкой.

Наверное, быть матерью принца, в отличие от простой дочери гончара, очень хорошо, потому что можно отказаться от чаупади и никто не скажет слова против. Когда ты обладаешь такой властью, что можешь покупать других, с тобой все считаются. Яшви была лишена такого удовольствия.

И все же слова Садхира-джи, что никто не соблюдает чаупади и до сих пор никто от этого не умер, что наоборот часто случалось во время изгнания девушек из деревень, когда умирали от холода, голода, укусов диких змей или нападения животных, запали ей в душу.

- И во дворце мне не нужно будет жить отдельно от других, и можно будет есть вместе со всеми? - спросила она. Сложно было в это даже поверить.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Насколько знал Сонгцэн, женщины во дворце никак не ограничивали себя по несколько дней в месяц. Он был не очень в курсе того, как именно жили наложницы и служанки, но ни разу не сталкивался с тем, чтобы кому-то из них нельзя было жить с остальными или есть за общим столом. Учитывая, сколько женщин жило во дворце, можно было предположить, что в любой момент у кого-то из них были месячные.

- Во дворце ты сможешь жить в своей комнате и есть вместе со всеми, - подтвердил Сонгцэн. - И я уверен, что ты будешь не единственной, у кого в это время те же проблемы.

Этот разговор с Яшви стоило бы провести Аше Прии, но она бы не стала искать эту хижину сама. Она уже сделала многое, что предупредила Сонгцэна о том, что девушка ушла, да еще и планировала наказать ту, кто отправил сюда Яшви. Сонгцэн хотел бы понять, чем руководствовалась девушка, совершившая такую подлость.

- Поговори с Ашей Прией, когда вернемся. Она лучше объяснит тебе про такие традиции, чем я, - сказал Сонгцэн. - Пойдем?

Яшви Садхир
Об этом Яшви не задумывалась. Она провела здесь всего несколько дней, и за это время не встретила ни единой девушки с такими же проблемами. Хотя, возможно, все дело было в том, что это не афишировали и никак не давали понять, что что-то отличается от привычного и обычного образа жизни. Но, если во дворце не соблюдают чаупади, почему та девушка, у которой она спрашивала про хижину, ничего ей про это не сказала? Впрочем, Яшви не была скандальной, она бы даже не пошла выяснять подробности. Раньше бы не пошла. А теперь она разозлилась, потому что, оказывается, совершенно необязательно было ночевать здесь,на жестком полу в хижине, где нет половины крыши и невозможно устроиться хотя бы во весь рост, и где к тому же еще и холодно.

- Хорошо, я вернусь во дворец, - кивнула она и, на мгновение скрывшись в домушке, вышла обратно уже с небольшим узелком со скудным содержимым. Как минимум она хотела посмотреть в глаза этой девушке, которая так нечестно с ней поступила. Но стоило ожидать, что теперь над ней будут смеяться, если не в лицо, то за спиной точно. Она только начала привыкать к тому, что здесь при взгляде на нее никто не кривит презрительно губы, но, видимо, люди везде одинаковые, в деревне или во дворце.

- В монастыре мне тоже не придется уходить? - спросила Яшви, расправляя плечи. Она чувствовала себя мрачно решимой на что-то серьезное. Она была уверена, что она сильнее той девушки. И в случае чего не побрезгует доказать это.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви все-таки решилась. Это была еще одна её победа над собой, за эти дни её жизнь менялась очень сильно, перекраивался весь привычный ей уклад. Сонгцэн понимал, что девушке сложно, но так она шла к своей свободе.

- В монастыре тоже не придется уходить, - сказал он. - Там вообще больше половины жителей - европейцы. А в соседних деревнях свои традиции. Там у одной жены несколько мужей, и она решает за всю семью. Вряд ли кто-то будет её выгонять в хижину за деревней.

Тибетские семьи вообще казались Сонгцэну удивительным явлением. Он бы не стал называть это матриархатом, потому что причина многомужества все же была в том, что бедной семье было проще выплатить колым за одну невесту на всех сыновей, но там все же мужья старались выслужиться перед женой и заслужить её благосклонность. В Непале женщины практически не имели прав по сравнению с тибетками. И в то же время Сонгцэн был уверен, что не только европейцам, но и ханьцам, привыкшим жить в столице, уклад и Непала, и китайского Тибета казался диким.

Яшви Садхир
Женщина, которая решает за всю семью, наверняка должна обладать не только волей и решимостью, но и мудростью и недюжинным умом. Хотя думать за столько человек непросто, вряд ли ее жизнь даже с учетом нескольких мужей сильно лучше. Яшви поняла, что быть женщиной самой по себе дело неблагодарное, потому что нет ни единого места в мире, где ей бы было хорошо настолько, чтобы она перестала чувствовать себя в чем-нибудь виноватой.

Но пока монастырь представлялся ей каким-то странным и загадочным местом, немного даже сказочным. И там тоже не нужно было соблюдать чаупади. Пока Яшви чувствовала себя непонятно (не считая слабости и затекшего тела, которое никак не желало возвращать себе привычную подвижность даже когда она шла по тропе), потому что сложно было принять тот факт, что больше не нужно соблюдать старые традиции. Словно она пошла наперекор тысячелетним привычкам, и теперь если не небо упадет на головы, то точно случится какая-нибудь беда. Но пока солнце все так же светило, тропка все так же ложилась под ноги, и вокруг ничего не поменялось.

- Почему вы сами сюда пришли, Садхир-джи? - спросила она вопрос, который ее немного все-таки волновал и интересовал. - Почему просто не прислали кого-то из слуг? Вам бы не пришлось отрываться от своих дел.

Достаточно было приказать кому-то, чтобы ее вернули, и она бы не стала упираться и пытаться настоять на своем, если бы услышала просьбу в ультимативной форме. Но ей было приятно, что он так не сделал, хотя и непонятно, почему он так не сделал.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Яшви задала сложный вопрос, потому что Сонгцэн не рассматривал возможность того, чтобы послать кого-то на поиски девушки. А сейчас он задумался, почему так не сделал. Он не особо командовал слугами, потому что до сдачи экзамена все же был ограничен в правах. Его бы не послали, отдай он такой приказ, но лучше было

сначала доказать свое право на приказы, а потом уже им пользоваться. К тому же вопрос был интимным, вряд ли Яшви захотела бы что-то обсуждать с незнакомым ей человеком. А девушек было сюда опасно отправлять.

- Сюда стоило бы послать ту девушку, которая подсказала тебе эту дорогу, - сказал Сонгцэн. - Но это небезопасно. И мне кажется, что наш сегодняшний разговор позволил многое прояснить. Со слугой ты бы вряд ли стала говорить о традициях чаупади, а он вряд ли смог бы объяснить, почему им не стоит следовать.

Он не жалел, что отправился за Яшви лично. Заодно смог узнать, в чем именно заключалась традиция чаупади. Например, своими глазами увидеть хижину, в которую отсылали деревенских женщин, рискуя их жизнями из-за глупого суеверия.

Яшви Садхир
Сейчас, при свете дня, Яшви удивлялась, как не переломала себе ноги, пока пыталась найти хижину в сумерках, потому что тропинка была узкой и неровной, вокруг лежали камни, торчали корни кустарников и невысоких деревьев, и тропка петляла между ними так, словно ее прокладывало какое-нибудь трусливое дикое животное, бегающее зигзагами, а не люди. Она перешагнула через ветку.

- Что он прояснил? - Яшви было понятно лишь то, что этой традиции можно не следовать. У нее не возникло мысли о том, что она какая-то дикая или неправильная (до этого осознания ей еще было довольно далеко), просто она поняла, что ее не обязательно соблюдать. По-крайней мере, не везде в мире это делают, и нужно подстраиваться под то окружение, в котором она оказалась на данный момент. Если ей когда-нибудь доведется вернуться в свою деревню, то ей снова придется блюсти чаупади. Нельзя сказать, что Яшви ее одобряла, конечно, нет, просто смирилась и по-своему привыкла.

Теперь она сможет все-таки заниматься чтением и игрой в го, раз ей не надо проводить эти дни вне дворца. Это было приятно понимать, как и то, что не случится ничего ужасного, если она с кем-то заговорит. Если бы она чуть глубже начала думать, то, вероятно, додумалась до того, что эта традиция совершенно бессмысленна. Но ее ум пока был слишком ограничен, чтобы думать так сложно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
- Что ни во дворце, ни в Линь Ян Шо тебе не придется соблюдать чаупади, - ответил Сонгцэн. - Я надеюсь, что ты вообще никогда не попадешь в ситуацию, когда тебе придется следовать этой варварской традиции.

Вряд ли Яшви захочет вернуться в родную деревню, получив возможность вырваться на волю. А даже в Непале в городах чаупади уже не соблюдали, и можно было найти какую-нибудь работу, чтобы стать самостоятельной без необходимости выходить замуж, чтобы иметь возможность себя прокормить.

- Если тебе покажется, что девушки во дворце снова советуют тебе что-то не то, не стесняйся уточнить у Аши Прии, - сказал Сонгцэн, пробираясь по кривой заросшей тропе. - Я надеюсь, что это был единичный случай, и с той девушкой разберутся, но мало ли. Аше Прие я полностью доверяю.

Яшви была далека от дворцовых интриг, и ей не стоило в них лезть, потому что она скоро уедет из клана. Ей просто следовало после этого случая соблюдать осторожность.

Яшви Садхир
- Мне не показалось, что она посоветовала что-то не то, - сказала Яшви. Как она поймет, то или не то, если она плохо знает, что здесь принято, а что нет. Но она уже сообразила, что со всеми такими вопросами лучше идти к Прие-джи, а не к кому-то из девушек-наложниц. Прия-джи сразу бы все объяснила, и не пришлось никуда уходить. Она потеряла всю ночь и все утро, хотя могла бы нормально выспаться, помочь убрать комнаты, а потом занялась бы чтением. Она уже немного запомнила буквы и пыталась прочитать какие-то простые слова. - Она не сказала, что не нужно никуда идти, и я не знала, что здесь не следуют чаупади.

Она бы предпочла перестать об этом говорить, потому что это были вещи, которые касаются только женщин, и обсуждать их нужно только с женщинами. Яшви не считала себя очень стыдливой или застенчивой, но некоторые темы не будешь обсуждать с мужчиной, тем более не очень хорошо знакомым. Даже если он принц.

- Ее накажут? - буднично спросила она, постаравшись не пустить в вопрос то количество сердитости на девушку, которое у нее было. Ее не должно это радовать. Тем не менее, Яшви чувствовала удовлетворение от надежды, что та наложница получит по заслугам. Как будто раньше у нее почти не было никаких чувств и эмоций, а теперь открыли крышку, и все это переливается через край. Наверное, это потому, что теперь ей не нужно бояться гнева отца или матери или пытаться всем угодить, а потому быть прилежной и послушной.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Сонгцэн не винил Яшви в произошедшем, он понимал, что она просто действовала так, как была приучена. Виновата была та девушка, которая сказала ей идти в хижину возле деревни, а не объяснила, почему этого делать не стоило. Сонгцэн не верил в то, что эта девица поступила так по незнанию. Если бы она действительно наивно полагала, что именно Яшви нужно в любом случае соблюдать древний обычай, и не дело её отговаривать, она могла бы просто послать её с этим вопросом к старшей наложнице.

- Да, накажут, - подтвердил Сонгцэн. - Но я не знаю, как именно.

Этот вопрос должна была решать Аша Прия, его не касалось, какие дисциплинарные меры использовались в отношении служанок и наложниц. Он знал только о тех, что были приняты среди учеников и воинов.

- Когда проступок совершает воин или ученик, у них другие наказания, - объяснил Сонгцэн. - Какая-нибудь тяжелая работа, дежурство вне очереди, иногда арест. Если предают клан или вождя - смерть. Если бы один ученик умышленно подставил другого, еще и подвергнув опасности, он бы на пару недель был отправлен чистить канализацию или выгребать навоз из конюшни.

Яшви Садхир
Яшви сосредоточенно кивнула, хотя вряд ли Садхир-джи мог это заметить, потому что тропинка была узкой, и он шел впереди. Девушка старалась не позволять себе мыслей, в которых она сравнивала Садхира-джи с другими мужчинами, например, из их деревни или из клана, потому что за эти дни она видела нескольких воинов или учеников, она не поняла разницы. В основном она, конечно, не покидала то крыло, которое было отведено наложницам, но в те редкие разы, когда ей приходилось выходить из него, она могла наблюдать за другими обитателями дворца.

Но ее, как человека, который редко видел добро в своей коротенькой ограниченной жизни, подкупало его к ней отношение.Садхир-джи о ней заботился, и она не могла не быть ему за это благодарной. Возможно, она была даже немного излишне благодарной, больше, чем следовало бы быть в такой ситуации. Хотя тут сложно судить наверняка, потому что мало кто оказывался на невольничьем рынке со счастливым концом.

- Садхир-джи, вы думаете, она это специально сделала? - Яшви чуть нагнала принца, чтобы задать ему этот вопрос, безуспешно пытаясь отделаться от картинки в голове, как та девушка в нарядных шелковых одеждах убирает за лошадьми пахучий навоз или чистит выгребные ямы. Даже от этого воображаемого зрелища горло уже перехватывал спазм тошноты.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир
Тропа была очень неудобной, и Сонцгэн подумал, что деревенским женщинам было очень трудно спускаться к этой хижине, еще и во время плохого самочувствия. Дикий обычай, который все еще местами оставался в силе, как и торговля ненужными дочерьми. Традиции клана тянули его назад, не давая развиваться в полную силу, но и окружавшие клан деревни не отличались прогрессивным мышлением. Сонгцэн понимал, что во многом ему повезло, что он мог общаться с теми, кто жил в Линь Ян Шо.

- Мне неприятно это признавать, но я думаю, да, - сказал Сонгцэн. - И я не знаю, почему она так поступила.

Яшви ни в чем не конкурировала с женщинами во дворце. Она остановилась в клане ненадолго, Сонгцэн не строил на неё никаких личных планов, как и на наложниц и служанок, живших во дворце. Это была какая-то необъяснимая подлость, корни которой оставались для Сонгцэна неведомыми.

- Мне жаль, что такое с тобой произошло в нашем дворце, и я надеюсь, что Аша Прия больше подобного не допустит, - сказал Сонгцэн. - Ты - моя гостья, никто не смеет подвергать тебя опасности.
